

ТЕОРИЯ ВОСХОДЯЩЕГО ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ НЕДОСТАТКИ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В статье анализируются причины кризиса идеи восходящего правового развития (правового прогресса) человечества. В качестве одной из важнейших причин выделяется сформировавшееся в эпоху Просвещения убеждение в неизбежности, неотвратимости правового прогресса, в основе которого лежит постулат о заложенных природой в человеке задатках, толкающих его к идеальному правовому мироустройству. Данное воззрение игнорирует субъективные факторы, волю человека идти по пути правового прогресса, а также другие обстоятельства, препятствующие правовому развитию. Второй важной причиной угасания веры в «правовой рай» стали серьезные трудности, с которыми столкнулись сторонники идеи восходящего правового развития в процессе формирования homo juridicus. Третья причина – стремление достичь правовой цели неправовыми средствами. В теории правового прогресса произошла подмена принципов организации и функционирования государства: вместо принципов правовой коммуникации были взяты за основу принципы политической коммуникации, что стало сдерживающим фактором для правового прогресса. Автор статьи критически переосмысливает идею восходящего правового развития человечества, формулирует предложения по созданию принципиально новой теории правового прогресса, устраняющей недостатки прежнего философского учения.

Ключевые слова: восходящее правовое развитие, правовой прогресс, правовые идеалы, правовые ценности, факторы, способствующие и препятствующие правовому развитию

Для цитирования: Архипов С. И. Теория восходящего правового развития человечества: основные недостатки и пути их устранения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5.

THE THEORY OF THE ASCENDING LEGAL DEVELOPMENT OF MANKIND: THE MAIN DISADVANTAGES AND WAYS TO ELIMINATE

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article analyzes the causes of the crisis of the idea of the ascending legal development (legal progress) of mankind. One of the most important reasons is the prejudice formed in the Age of Enlightenment about the inevitability of legal progress, which is based on the postulate of the inclinations inherent in nature in man, pushing him towards an ideal legal world order. This view ignores subjective factors, the human will to follow the path of legal progress, as well as other circumstances that hinder legal development. The second important reason for the fading of faith in the «legal paradise» was the serious difficulties faced by supporters of the idea of upward legal development in the process of forming homo juridicus. The third reason is the desire to achieve a legal goal by non-legal means. In the theory of legal progress, the principles of organization and functioning of the state have been replaced: instead

of the principles of legal communication, the principles of political communication were taken as a basis, which became a deterrent to legal progress. The author of the article critically rethinks the idea of the ascending legal development of mankind, formulates proposals for the creation of a fundamentally new theory of legal progress that eliminates the shortcomings of the previous philosophical teaching.

Key words: ascending legal development, legal progress, legal ideals, legal values, factors contributing and hindering legal development.

*For citation: Arkhipov S. (2024) The theory of the ascending legal development of mankind: the main disadvantages and ways to eliminate. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 5–17, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5.*

Идея восходящего правового развития человечества (правового прогресса), ставшая в XVIII – начале XIX в. сверхидеей европейской цивилизации, своего рода светской религией Западного мира, в XX столетии постепенно потеряла свое былое значение. Одной из главных причин утраты веры в скорое наступление правовой эры человечества, на наш взгляд, стало сформировавшееся в науке и общественном сознании убеждение в неизбежности, неотвратимости правового прогресса. В основе этого предубеждения лежал постулат о заложенных природой в человеке задатках, толкающих людской род к совершенному социальному мироустройству. И. Кант и его последователи видели в этих задатках «тайный замысел природы», который должен был раскрыться в ходе исторического развития¹.

Человек, согласно данному воззрению, может и не желать правового прогресса, не стремиться к правовым идеалам, но «естественная» природа будет неизменно вести его к идеальному правовому состоянию. Такой, можно сказать, «наивно-оптимистический» взгляд на правовой прогресс стал причиной наступившего в XX в. глубокого разочарования в линейной теории правового развития, более того, отрицательного отношения к самой идее правового прогресса. Дело в том, что среди природных задатков человека есть не только те, которые способствуют правовому прогрессу (коммуникативность, альтруизм и др.), но и те, которые препятствуют ему (властолюбие, эгоизм, враждебность по отношению к чужакам). Они предполагают совершенно иной – антиправовой – сценарий социального развития, который вопреки ожиданиям сторонников линейной теории правового прогресса осуществился в XX столетии, когда идея правового прогресса, столкнувшись с негативными человеческими задатками, оказалась поверженной низменной человеческой природой².

Следуя в русле кантовских воззрений о человеческой сущности, основатели социологической науки также стремились найти основания законов социального развития в природе человека. Так, с точки зрения О. Конта, развитие человечества происходит в соответствии с естественными законами, прогресс человеческого рода есть продолжение совершенствования животного царства³. По мнению другого основателя социологии Дж. Ст. Милля, общественный прогресс определяется человеческой природой, «соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое, обладающее другими свойствами... В общественной жизни люди обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним

¹ См. подробнее: Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 7–18.

² Как справедливо отметил Гегель, «христианское учение, согласно которому человек от природы зол, выше другого учения, признающего его от природы добрым; в его философском истолковании христианское учение следует понимать следующим образом. В качестве духа человек есть свободное существо, которое по своему назначению не должно допускать, чтобы его определяли природные импульсы» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 82). Из гегелевской интерпретации христианского учения, на наш взгляд, можно сделать два вывода: во-первых, человечеству есть, к чему стремиться в смысле нравственного совершенствования; во-вторых, поскольку человек – свободное существо, то его природные задатки непосредственно не определяют его социальное будущее, оно в конечном счете зависит не от них, а от его собственной воли.

³ См.: Архипов С. И. Законы социального развития и правовой прогресс // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 55–57. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03.

сведены¹. Исходя из концепции Г. Л. Спенсера, социальный прогресс обусловлен естественным отбором и наследованием людьми приобретенных характеристик, одно из его ключевых положений, относящихся к эволюции животного мира и к человеку, – принцип выживания наиболее приспособленных, который представляет собой модифицированную идею естественного отбора Ч. Дарвина, борьбы живых организмов за свое существование².

Общей почвой для вышеназванных воззрений является «зоологический» подход к пониманию процессов социального развития, согласно которому человек рассматривается не как существо, наделенное свободной волей, социальный деятель, создающий собственный внешний мир, а как животное, поведение которого определяется биологическими инстинктами, элементарными физиологическими потребностями. В данном подходе заключена грубая методологическая ошибка – приложение законов низшей сферы (первой природы) к высшей, второй природе – к обществу, миру свободного духа, разума, права. Нельзя постичь логику сложных социальных процессов сквозь призму законов животного царства. В этом, на наш взгляд, заключена одна из глубинных причин кризиса линейной теории социально-правового прогресса.

Второй важной причиной угасания веры в земной «правовой рай» стали серьезные трудности, с которыми столкнулись сторонники идеи восходящего правового развития человечества в процессе формирования *homo juridicus*, человека нового типа, который должен был идти по лестнице правового прогресса к заветной цели – идеальному мироустройству. Известный постулат деятелей эпохи Просвещения, что посредством правового воспитания, нравственного убеждения, качественного образования можно сравнительно быстро изменить человека, существенно улучшить его природу, был практически опровергнут историческими реалиями XX в. Первая и Вторая мировые войны показали, что самые просвещенные, «передовые» с правовой точки зрения нации, народы в борьбе за мировое господство способны с легкостью отречься от своих правовых идеалов, отказаться от высоких нравственных ценностей во имя достижения корыстных, меркантильных интересов. Стало очевидно, что варварство – это не удел отсталых, необразованных, невоспитанных народов, что животная природа человека за два-три века кардинально не изменилась, природное существо за короткий период времени не превратилось в нравственно-правовую личность.

Некоторые социологи уже в конце XIX в. осознали сложность задачи, которую требовалось решить человечеству, избравшему путь правового прогресса. Г. Л. Спенсер, например, полагал, что человеческую природу изменить можно, но это процесс весьма долгий и нелегкий: «Большинство людей считает природу человеческую неизменной, некоторые держатся того мнения, что она способна быстро изменяться. Оба эти воззрения ошибочны. Можно достигнуть крупных изменений в ней, но только в течение многих поколений: незначительные изменения, подобные особенностям, отличающим нации между собою, требуют столетий; крупные же перемены, каково превращение эгоистической природы человека в альтруистическую, – потребуют целых эр»³.

С проблемой формирования нового человека столкнулись также сторонники другой светской религии – коммунизма. Они полагали, что человеческую природу достаточно быстро можно изменить, что в обозримой перспективе посредством марксистской идеологии и целенаправленной государственной политики можно достичь поставленной цели. Однако советский опыт построения коммунистического общества показал, что это трудноразрешимая задача. Ни христианская церковь, ни светская религия эпохи Просвещения, ни советское государство и созданная им уникальная система идеологического воздействия на индивида в целях создания «всесторонне и гармонично развитой личности» не смогли кардинально изменить природу человека.

Третья важная причина неудачи проекта создания совершенного правового общества заключается в том, что для достижения правовой цели были использованы неправовые средства. И. Кант в своих представлениях о социальном будущем исходил

¹ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. [и с предисл.] прив. доц. Моск. ун-та В. Н. Ивановского. 2-е изд., вновь обработ. М.: Г. А. Леман, 1914. С. 798.

² См.: Архипов С. И. Законы социального развития и правовой прогресс. С. 59.

³ Спенсер Г. Л. Соч.: в 7 т. Т. 2: Основания этики. Ч. 4–6. СПб.: Тип. «Издатель», 1899. С. 230.

из того, что государство (которое его последователи именовали «правовым») должно основываться на правовых принципах. Поскольку право для него – «совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»¹, то правовая коммуникация предполагает в качестве исходного начала свободу участвующих в ней субъектов, а также наличие законодателя, способного совместить их произволы.

Однако кантовский проект идеального государственного устройства и современная модель правового государства основаны не на заявленных немецким философом принципах, а на иных началах. В них реализуется идея власти и подчинения, из нее выводится принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. По сути, это принципы политической, а не правовой коммуникации. Конструкция правового государства – своего рода кентавр, у которого голова правовая (поскольку авторы теории исходят из наличия в ней правовых идеалов), туловище же – политическое. Голова смотрит в одну сторону, инородное тело устремлено в другую.

Теория правового государства заимствовала у предшествующих ей средневековых учений стержневой элемент – идею суверенитета, предполагающую независимость государства от своих граждан и от мировой системы правопорядка. Антиправовая идея, рожденная в эпоху абсолютизма, стала достоянием современного политико-правового сознания. Вместе с ней и фигура Левиафана не ушла в небытие, она перекочевала в новую социальную организацию. Сторонники теории правового государства декларируют правовые идеалы, права человека, высшую ценность человеческой личности, но в системе государственного устройства человеку по-прежнему противостоит суверен, который властвует над ним, является по отношению к нему «высшим существом», господином.

Сущность современного государства осталась прежней, оно лишь ограничено в своем произволе рамками закона, но по своей природе не стало правовым. Оно не способно быть поводырем на лестнице правового прогресса, вести за собой человечество к правовому идеалу. Оно создано, чтобы властвовать, а не осуществлять идею правовой свободы, у него нет такого предназначения. В этом, на наш взгляд, заключена еще одна «ахиллесова пята» теории восходящего правового развития. Авторы данной теории полагали, что человечество уже вступило на путь правового прогресса, уже идет к заветной цели. Однако если признать, что в этой системе отсутствуют два главных действующих лица: *homo juridicus*, нацеленный на правовые идеалы, и государство, способное выполнять функцию правового лоцмана, то можно прийти к выводу о том, что человечество еще не вышло на правовой путь развития, оно все еще остается на прежней социальной орбите, в системе политического устройства, где торжествуют принципы не правовой свободы, а власти и подчинения.

Кризис идеи правового прогресса, на наш взгляд, не следует понимать как ее окончательное отторжение человечеством, как «смерть идеи». П. И. Новгородцев отмечал, что «каждый раз, когда говорят о кризисе в области идей, это может означать одно из двух: или полное крушение каких-либо прежних понятий, или их готовящееся преобразование»². Российский правовед полагал, что применительно к идее правового прогресса кризис означает не конец правовым исканиям, не отречение от прогрессивных устремлений, а поиск нового; это иная ступень в развитии нравственного сознания, она предполагает «неизбежную замену идеи конечного совершенства началом бесконечного совершенствования»³.

Критически переосмысливая идею восходящего правового развития человечества в целях ее дальнейшего преобразования, создания принципиально новой теории правового прогресса, устраняющей недостатки прежнего философского учения, можно предложить следующее.

1. Нужно отказаться от исходного постулата о неизбежности, неотвратимости социально-правового прогресса. Идея правового прогресса, как всякая правовая идея, существует в мире духа, она не вырастает из «естественной среды», из природных за-

¹ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 139.

² Новгородцев П. Кризис современного правосознания (Введение в философию права). М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1909. С. 13.

³ Новгородцев П. Об общественном идеале (Введение в философию права). Вып. 1. 3-е изд. Киев: Тип. бр. М. и А. Заваздных, 1919. С. V.

датков человека. Природа сама по себе ничего не решает за человека, не делает выбор за него, не определяет его социальное будущее, в том числе посредством «тайного плана». Человек как существо, обладающее свободной волей, может определять свою судьбу. Правовой прогресс необходимо рассматривать как результат внутреннего, а не внешнего целеполагания. Не животные инстинкты предопределяют развитие социально-правовой сферы, а рациональное человеческое сознание, формирующееся в результате социального взаимодействия людей, их правовой коммуникации, оно позволяет им вырваться «из объятий» первой природы. Идею прогресса пора «пересадить» с естественной, природной почвы на социальную.

2. Следуя призыву П. И. Новгородцева произвести «замену идеи конечного совершенства началом бесконечного совершенствования», на наш взгляд, целесообразно вместо осуществления дальнейших попыток философского конструирования утопических проектов конечного социального мироустройства организовать процесс постоянного («бесконечного») правового совершенствования социума на научной основе, исходя из реальных потребностей людей, их правовых устремлений. Идея поставить правовой прогресс на научный фундамент означает его рационализацию, придание ему научной основательности, очищение от утопических проектов, политического волюнтаризма. В итоге он должен стать такой же социальной реальностью, как и научный прогресс¹.

Социальные утопии имеют «иррационально-религиозную» природу, проникая в общественное сознание, освободившееся от прежних верований, они заражают, «инфицируют» его новыми – светскими – верованиями, вместо образов потустороннего мира они навязывают ему иллюзии идеального социального, посюстороннего мира. Когда инфицированное утопическими идеями сознание сталкивается с социальной реальностью, с непреодолимыми препятствиями, то это становится причиной кризиса, приводит к крушению иллюзий. Но сам кризис не меняет природу общественного сознания, его религиозную основу, оно по-прежнему подвержено воздействию новых вирусных, утопических идей. Мир развивается от утопии к утопии, пережив один социальный вирус, становится заложником другого.

Философская идея восходящего правового развития человечества также относится к разряду религиозно-утопических. С одной стороны, она опирается на вполне реальные позитивные социальные качества людей, на их разум, моральные принципы, стремление к справедливому мироустройству. С другой стороны, она игнорирует прямо противоположные качества, унаследованные ими от животного царства, первой природы. Не решив важнейшей проблемы изменения природы человека, проигнорировав те трудности, препятствия, о которых говорилось ранее, сторонники этой идеи уверовали в то, что правовой прогресс – это единственный сценарий развития человеческого рода, что другого не дано. Христианско-гегелевское убеждение, что человек по натуре зол, трансформировалось в убеждение, что он, познав правовые идеалы, станет добрым. Как и в других социальных утопиях, фактор веры стал решающим в философском учении о правовом прогрессе.

Идея правового прогресса должна быть перемещена из мира утопий в мир науки. Она не может и не должна быть исключена правовой наукой из предмета своих исследований, поскольку является одной из важнейших, ключевых идей, от которых зависит будущее человечества. Без теории правового прогресса ей уготована судьба второстепенной, служебной по отношению к политике отрасли знаний. От нацеленности правовой науки на будущее, на социальный прогресс зависит ее статус, место среди других социальных наук.

Будучи эмпирической наукой, она, как заметил И. Кант, представляет собой голову, «которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга»². Идея правового прогресса, положенная в основание правовой науки, – это предпосылка для ее предметного самоопределения, она дает ей возможность выйти за рамки эмпирического учения, стать в обозримом будущем важнейшей социальной наукой. Правовая наука может

¹ Как отметил Р. Дж. Коллингвуд: «Ценность науки в плане концепции прогресса как раз и состоит в том, что она, по-видимому, представляет собой простейший и наиболее очевидный случай существования прогресса, и прогресса однозначно доказуемого» (Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука, 1980. С. 318).

² Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

и должна быть наукой социального прогресса, не абстрактным, оторванным от жизни философским учением, генерирующим заоблачные картины идеального мироустройства, а точной социально-инженерной наукой, определяющей на основе анализа конкретных жизненных интересов, потребностей, целей участников правовой коммуникации алгоритмы правового развития общества.

3. Поступательное правовое развитие общества предполагает «хирургическую» операцию по разделению политической и правовой систем. Стремление юристов объединить политическую и правовую системы в единое целое препятствует развитию правовой коммуникации, правовому прогрессу. Правовая и политическая коммуникации – это конкурирующие системы, у них разные исходные принципы и цели. Как справедливо отметил Н. Луман, объединение политики и права в единую политико-правовую систему произошло в Новое время, в результате чего закон стал основным инструментом реализации политических целей¹. Немецкий социолог полагал, что правовая система может обойтись без суверена, даже облаченного в форму правового государства, что она не нуждается в нем; формула правового государства закрепляет паразитическую связь между правом и политикой².

Путь правового прогресса и путь политического господства – два противоположных пути социального развития. В основе первого пути лежит идея свободы, равенства субъектов права и рационального совмещения их интересов; в основе второго пути – идея власти, доведенная до логического предела. У каждой из этих коммуникативных систем свои собственные предпосылки, внутренняя «логика», каждая предполагает свою всемирную социальную историю и ее конечную цель.

Переход от политического к правовому типу коммуникации – это качественно новая ступень развития человечества, сопоставимая по своему значению с переходом от негосударственного к государственному мироустройству. Это переход от иррационального к рациональному, от непредсказуемого к предсказуемому, от вражды, войн к миру, от бесконечной череды исторических случайностей к осмысленной, «руководимой», «целеустремленной» социальной истории. Он не является неизбежным, как полагали авторы линейной теории прогресса, происходит вопреки биологической природе человека. Чем дальше человечество отрывается от своих природных основ, животных инстинктов, тем в большей степени социальное развитие зависит от разума, от правового сознания людей, их правовой культуры. Степень правового развития общества, правовой прогресс можно оценить, измерить исходя из того, какой тип коммуникации является доминирующим в нем: политический или правовой. Данный критерий можно использовать в качестве наиболее общего показателя наличия правового прогресса.

4. Поступательное правовое развитие невозможно без необходимой социально-правовой инфраструктуры: правовой прогресс должен быть прогрессом социально-правовых институтов. Не оспаривая значения правового воспитания, просвещения, образования для правового развития общества, надо признать, что без соответствующей правовой среды, без успешно функционирующих правовых институтов все попытки создания *homo juridicus* обречены на провал. Правовое воспитание, просвещение, образование должны иметь под собой реальную правовую основу. Для этого должны быть созданы такие организационные структуры, которые обеспечивают правовую коммуникацию, жизнедеятельность общества на основе правовых принципов.

Первым и важнейшим среди правовых институтов выступает орган, создающий правовые законы. В политической коммуникации закон, как уже отмечалось ранее, служит политическим целям, является инструментом системы политического властвования. По сути, юристы оказались вытеснены из сферы законотворчества, не они определяют содержание законов, им доверено лишь оформление политической воли. Н. Луман прав в том, что закон не принадлежит юристам, у правового сообщества осталась лишь одна цитадель – юстиция, но и она постепенно утрачивает свою независимость, становится служительницей государственной (политической) власти. Процесс деградации правосудия заметен не только в континентальной Европе, в системе романо-германского права, но и в странах англосаксонского права, где традиционно были прочны традиции справедливого и объективного суда.

¹ Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 357, 363.

² Ibid. P. 365, 371.

Юристы, призванные быть главной движущей силой правового прогресса¹, оказались в настоящее время в основной своей массе по другую сторону «баррикады», предпочитают служить не правовой свободе, а власти. Судьи, следователи, прокуроры, депутаты законодательных собраний являются государственными служащими, входят в систему политического властвования. Выбирая между правовыми идеалами и службой суверену, они делают выбор в пользу служения суверену. Для них право – это не «искусство добра и справедливости», каким оно было для римских юристов, а нормативная система, созданная в целях осуществления государственной власти. Это еще одна причина кризиса идеи восходящего правового развития человечества, фактор, который существенно сдерживает правовой прогресс, не способствует созданию правовой инфраструктуры.

Чтобы юристы могли вернуть себе утраченную ими профессию, вновь оказаться на лестнице правового прогресса, служить праву, необходимо преобразовать существующие институты правотворческой и судебной деятельности. Они должны быть деполитизированы, функционировать на основе принципов правовой коммуникации: равенства, свободы и совмещения интересов всех участников отношений.

Если оценить в ретроспективе наиболее успешный опыт организации и осуществления правотворческой деятельности, то прежде всего следует обратить внимание на то, как ее осуществляли римские юристы, поскольку именно ими была создана «совершеннейшая, какую мы только знаем, форма права»². Не обладая ни законодательной, ни судебной властью, они уже в период республики своими толкованиями, разъяснениями действующих норм оказывали существенное влияние на систему права, а в эпоху принципата после предоставления императором Августом некоторым из них известной привилегии *jus respondendi* – права давать от его имени участникам судебного разбирательства юридическое заключение по делу, имеющее для судьи обязательное значение, – их роль в формировании римского права многократно возросла.

Их мнениям, особенно когда они совпадали с мнениями других обладателей данного права, приписывалась сила «как бы закона»³. Нормативная сила мнений римских юристов, как полагает Д. В. Дождев, «основана на профессиональном знании, природа их власти технократическая»⁴. Но дело не только в технической стороне, в стремлении профессионально осуществить свою деятельность. Как отмечал Р. Иеринг, «право было для них (римских юристов. – С. А.) более, чем простым источником умственного наслаждения и удовольствия, оно было для них предметом нравственного возношения»⁵. Для них «право не есть убеждение, мнение, знание и т. д., короче, не есть умственная сила, но нравственная»⁶. Р. Иеринг в отличие от ряда современных исследователей оценивал развитие римского права не как процесс простого технического совершенствования (Д. В. Дождев, М. Таламанка и др.), а как нравственно-правовой прогресс. Это мнение авторитетного немецкого правоведа вполне согласуется с утверждениями самих римских юристов: Цельса, Ульпиана, Павла, причислявших себя к священнослужителям права, жрецам, возвещающим понятия доброго и справедливого⁷.

¹ См.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. С. 210–212.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 105.

³ Покровский И. А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Пг.: Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1917. С. 147.

⁴ Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2003. С. 106.

⁵ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. С. 283.

⁶ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 284. Свою точку зрения о нравственных основаниях римской юриспруденции Р. Иеринг отстаивал также в других работах. В монографии «Цель в праве» немецкий ученый отметил, что «звание юрисконсульта (*jurisconsultus*) исключает собою всякую идею о вознаграждении», в отличие от греческих учителей, готовых за деньги оказывать любую услугу, «юрист с римским именем (*jurisconsultus*), юрист римского стиля, человек науки, который твердо держится древнеримских традиций, относится с презрением к обращению науки в источник приобретения и сам всегда безвозмездно готов к услугам каждого» (Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Изд. Н. В. Муравьева, 1881. С. 85, 88).

⁷ Дигесты Юстиниана: избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского. М.: Наука, 1984. С. 23, 25.

Для России, отечественного правового сознания опыт римских юристов и их отношение к праву как нравственному явлению имеет особое значение. Право в российской культуре всегда оценивалось не с технической, а с нравственной стороны, для русского человека была важна нравственная правота. Если в современной западной правовой культуре главной была и остается экономическая сторона прогресса, то для России – духовная. Поэтому для нас важно возродить дореволюционную традицию нравственно-правового служения отечеству, заложенную М. М. Сперанским и его последователями.

В организационном плане, на наш взгляд, в целях осуществления постепенного перехода от непрофессионального (политического) к профессиональному (юридическому) правотворчеству целесообразно предусмотреть возможность непосредственного участия основных правовых школ (научных и образовательных учреждений) и наиболее авторитетных юристов России в процессе правотворческой деятельности. Такое участие может осуществляться без изменения существующего порядка формирования законодательного органа (форма внешнего участия) и с его изменением (форма внутреннего участия), когда часть законодательного собрания формируется по прежним правилам, другая часть (профессиональные юристы) избирается на конкурсной основе правовым сообществом. Форма внешнего участия как наиболее простая, не требующая кардинальных преобразований, на первом этапе перехода представляется более предпочтительной, чем внутренняя.

Форма внешнего участия имеет целью осуществление принципа производства «правовых сапог» профессиональным сапожником, функция же законодательного органа заключается в том, чтобы определить, подходит или нет изготовленный «товар» будущим пользователям и в случае готовности принять работу. Как в свое время заметил Гегель, «не надо быть сапожником, чтобы знать, годятся ли башмаки, не надо быть специалистом, чтобы обладать знаниями о предметах, представляющих собой общий интерес»¹. Депутаты, представляющие различные регионы страны и разные слои населения, хотя и не являются по общему правилу профессионалами в юридической сфере, но знают интересы своего электората и могут оценить качество правового «товара». Главная их задача заключается в том, чтобы определить, соответствует ли разработанный юристами проект закона целям их избирателей и совмещены ли при этом интересы всех участников регулируемых им отношений. Правовой закон, как и удачное техническое устройство, должен быть пригодным для всех.

Форма внутреннего участия предполагает вхождение профессиональных юристов в состав законодательного органа. Главная цель состоит не в том, чтобы юристы осуществляли профессиональную опеку над «слугами народа», оказывали им необходимую юридическую помощь. Гораздо важнее, чтобы в законодательном органе соединились два противоположных начала: консервативно-рациональное, обеспечивающее стабильность и преемственность, и прогрессивно-новаторское, побуждающее к движению. Соединение этих двух противоположных начал, как полагал Р. Иеринг, обеспечило Риму «характер общего, планообразного, непрерывного прогресса»².

Правовая система только тогда будет прогрессировать, когда окажется способной, «научится» использовать социально-правовые конфликты для своего саморазвития. То, что для других правовых цивилизаций стало причиной саморазрушения, для Древнего Рима – импульсом дальнейшего развития. В этом, надо полагать, была великая заслуга римских юристов. Памятуя о «горьком» опыте разрушения в XX столетии в России двух государственных и правовых систем (1917 и 1991 гг.), нам особенно важно учесть опыт Рима. Должен быть создан такой правовой механизм, который обеспечивает самосохранение социальной системы в условиях самых жестких конфликтов. И здесь главная роль должна принадлежать законодателю. Профессиональные юристы в законодательном органе должны быть той умиротворяющей силой, которая способна разрешать социальные конфликты, находить выходы из самых сложных правовых ситуаций.

Кроме того, есть еще два важных аспекта, которые необходимо учитывать при включении в состав законодательного органа профессиональных юристов.

¹ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 253.

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 288.

Первый аспект касается прогнозирования законодателем последствий принимаемых им решений. По мнению Н. Лумана, необходимо противодействовать «иллюзии контроля», присущей лицам, участвующим в законотворческом процессе, современным правовым системам не хватает осознания социальных рисков: «...риск принятия решений и связанная с этим опасность для других становятся нерешенной юридической проблемой»¹. По убеждению немецкого социолога, следует задуматься о решении этой проблемы, правовая система принимает на себя риски, когда у нее отсутствуют методы и процедуры для их оценки².

В праве рациональность традиционно рассматривается как рациональность законодателя, но рациональность законодателя, его способность прогнозировать социальные последствия своей правотворческой деятельности вызывает великие сомнения. Одна из важнейших задач профессиональных юристов в случае их вхождения в состав законодательного органа должна заключаться в прогнозировании социальных рисков, для чего необходимо, как правильно заметил Н. Луман, разработать методы и процедуры их оценки.

Второй аспект касается функционирования права как единой, целостной системы. Непрофессиональный законодатель в силу отсутствия у него необходимых знаний, представлений о структурных элементах правовой системы, сформировавшихся связях между ними, закономерностях их развития не способен обеспечить системное единство права. Для него неосуществима задача определения стратегии правового развития, установления необходимости формирования новых институтов, отраслей права, других структурных элементов, что является сложным делом даже для профессионального юриста. Для этого нужен коллективный правовой «мозг», способный оценить правовое состояние общества, интересы, потребности различных социальных групп, прогнозировать правовое будущее. Нужна такая организационная структура, постоянный или временный интеллектуально-прогностический центр, который сможет выполнить эту миссию.

Не менее сложной задачей выступает реформирование судебной системы. Это второй правовой институт, который влияет на правовой прогресс. В системе правосудия, как и в системе правотворчества, «главное Зло нашего состояния права, – отмечал Ф. К. Савиньи, – заключается в постоянно растущем разделении между теорией и практикой... и выход из этого затруднительного положения можно усматривать только в восстановлении их естественного единства. Как раз в этом нам может помочь римское право, если мы пожелаем им верно воспользоваться»³. Для Ф. К. Савиньи римское право было тем образцом, эталоном совершенства, которое следовало брать за основу современным юристам. Он, как и Р. Иеринг, исходил при этом не из чисто технической стороны, для него главным был дух римского права; отсюда цель права – свободное и нравственно ценное развитие человека⁴.

Ф. К. Савиньи полагал, что средством сближения теории и практики может быть рациональный обмен между юридическими факультетами и судебными инстанциями, привлечение талантливых, способных людей к судебной деятельности. Но он видел и опасность, которая подстерегает юристов-преподавателей на этом пути: юридические факультеты как коллегии по вынесению решений становятся правовыми фабриками, их работа превращается в ремесленную, наука теряет при этом свои лучшие силы. Таким образом, отрыв судебной системы от правовой науки – это одна крайность, наука в качестве судебной инстанции – другая крайность. Отсюда вновь возникает вопрос: как обеспечить единство теории с практикой и их общий прогресс?

На наш взгляд, поставленная немецким юристом проблема не решается путем механического перелива из одного «сосуда» в другой. Ученый, преподаватель права, попадая в судебную систему, становится элементом этой системы, государственным чиновником. Подобно тому, как римские юристы поздней классической эпохи, де-

¹ Luhmann N. Op. cit. P. 473.

² Ibid. P. 474.

³ Савиньи Ф. К. Система современного римского права // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 262.

⁴ Рюккерт И. Предисловие к русскому изданию «Системы современного римского права» Ф. К. Фон Савиньи // Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 252.

лавшие выбор в пользу служения государственной власти, становились заложниками своего выбора, так и современные правоведы, делающие выбор в пользу судебной системы, вынуждены разменивать дух правовой свободы на дух государственной службы, чиновничий дух.

Реализуемая на практике идея суда как органа государственной, политической власти есть препятствующая поступательному правовому развитию общества идея. Чтобы дух свободы стал достоянием системы правосудия, необходимо вернуться к исходным правовым принципам, началам: объективности, беспристрастности суда, его независимости от всех участников правовой коммуникации, включая государство. Суд присяжных – лишь первый шаг на пути к искомой цели, его создание было важной вехой на этом пути, но это не решило всех проблем.

Главная из них – зависимость профессиональных судей от суверена, его воли. Когда в Западной Европе, в частности во Франции, судьи объявляют забастовку, выражая тем самым протест государству в связи с нерешенностью проблем с оплатой их труда и чрезвычайной судебной нагрузкой, то их протест – лучшее свидетельство отсутствия независимости суда от государственной власти; судьи в современной правовой системе становятся своего рода юридическим пролетариатом, наемными работниками государства.

Государственная власть не заинтересована в независимом суде, в этом корень проблемы, которая, по нашему убеждению, в ближайшей перспективе не будет решена. Чтобы судьи были действительно независимыми от государства, ими должна быть создана самоуправляемая корпорация, взаимодействующая с государством на договорной, взаимовыгодной основе. Ее финансовая автономия могла бы основываться на получении ею пошлины за рассмотрение гражданских дел и частично – за счет компенсации государством расходов за рассмотрение уголовных дел, а также других дел, по которым законом не предусматривается взимание пошлины. Вопросы внутреннего устройства, функционирования судебной корпорации должны регулироваться самой корпорацией (съездом судей и иными органами).

Государство в своем правовом отношении с корпорацией судей может выступать в качестве заказчика судебных услуг, корпорация – их исполнителя. Правила осуществления услуг, требования, предъявляемые к ним, юридические гарантии для участников судебного процесса в данной модели правовых отношений должен определять законодатель. Государство, если оно не удовлетворено качеством судебной деятельности, может учредить другую корпорацию – конкурента существующей организации судей.

Еще раз подчеркнем, что предлагаемая модель отношений государства с судебным корпусом в современных условиях доминирования в обществе политической формы коммуникации едва ли осуществима, она предполагает совершенно иной тип социального общения, основанный на других коммуникативных принципах. Но если воспользоваться рецептом И. Канта, который он предложил применительно к своему проекту всеобщего мира, чтобы «не все было потеряно», то можно на ее основе сделать «негативный суррогат»¹, позволяющий начать движение в сторону объективного правосудия.

Третий важнейший социально-правовой институт, от которого зависит правовой прогресс общества, – система юридического образования. Без «кузницы правовых кадров» невозможно поступательное развитие правотворчества, правосудия, всей правовой системы, да и само их существование. В ней генерируются основные правовые идеи, формируются образы правового будущего, создаются теоретические концепции, на основе которых осуществляются правовые реформы.

Если оценивать состояние юридического образования в странах Запада и в России, которая более 30 лет шла в фарватере западных идей, то можно отметить то обстоятельство, что идея правового прогресса постепенно перестала быть важнейшей, «путеводной» для юридического сознания. Начиная с XX в. она больше не относится к числу основополагающих, главных для правового образования, которое все боль-

¹ Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 22.

ше приобретает прикладной характер, нацелено на изучение действующих законов, нормативных актов (романо-германское право), прецедентов (англосаксонское).

Тот мощный энергетический заряд, который имела французская юридическая наука в XVIII – начале XIX в. (Ш. Л. Монтескье, Р. Ж. Потье, Ж. Э. М. Порталис и др.) и немецкая в XIX в. (Ф. К. Савиньи, Г. Ф. Пухта, Р. Иеринг и др.), давно иссяк. Современная западная юриспруденция, а также система образования, как и вся Западная цивилизация, оказались, как справедливо заметил Г. Д. Берман, в ситуации «беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права – не только так называемые либеральные концепции последних нескольких столетий, но сама структура западного правового порядка»¹.

В этой непростой ситуации для российской юридической науки и для западных правоведов необходимо основательное, глубокое изучение внутренних закономерностей развития правовой сферы, исследование причин возникновения глобального кризиса Западной цивилизации, путей выхода из него. Необходимо выйти за рамки эмпирической реальности, заглянуть за правовой горизонт, определить перспективы развития общества. Надо не только юридическую науку, но и всю систему юридического образования нацелить на правовой прогресс. Тогда, возможно, осуществится заветная мечта Ф. К. Савиньи о том, что сословие юристов вновь станет субъектом «живого» права, т. е. «истинного прогресса», и «мы сможем римское право оставить в истории, а у нас будет не слабое подражание римскому образованию, а свое собственное и новое образование»².

Наконец, четвертый наиважнейший институт, от которого зависит правовое будущее человечества, – это система международного права и обеспечивающих его функционирование организационных структур. По мысли И. Канта, международное право, созданное для суверенных государств, должно в конечном счете трансформироваться в общечеловеческое право (*cosmopolitan law*). Для немецкого философа достижение человечеством состояния всеобщего мира – это одна из стратегических правовых целей на пути исторического прогресса.

К сожалению, человечество за последние 30 лет не приблизилось к осуществлению этой цели, напротив, отдаляется от нее. Борьба США за мировую гегемонию, демонтаж сложившейся после Второй мировой войны системы международной безопасности, отказ отдельных стран от соблюдения основополагающих принципов международного права привели к тому, что угроза возникновения нового глобального военного конфликта, третьей мировой войны становится все более реальной. В этих условиях едва ли стоит уповать на то, что «естественный» процесс культурно-правовой эволюции человечества приведет нас рано или поздно ко всемирному гражданскому состоянию.

Без целенаправленной, упорной борьбы участников международно-правовой коммуникации за всеобщий мир конечная цель, на наш взгляд, не может быть достигнута. Необходимо создание новой стратегии развития и нового проекта международно-правового союза государств, учитывающего интересы всех участников международных отношений. От юридического сообщества потребуются новые идеи взамен прежних, иные правовые концепции, учитывающие современные реалии, появление новых полюсов, центров силы, создание правовых механизмов и организационных структур, обеспечивающих мирное сосуществование этих центров силы, ненасильственное разрешение возникающих между ними конфликтов.

Нужна такая теория правового прогресса, в которой предусматривается постепенный переход от политического типа межгосударственной, международной коммуникации с разделением государств на тех, кто правит миром, и на их вассалов к типу коммуникации, основанному на принципах равенства и свободы. У сословия юристов есть возможность перехватить инициативу у философов в разработке концепции всеобщего мира, принципиально иной – неполитической – модели всемирного устройства, устанавливающей новый вектор социального развития человечества.

¹ Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998. С. 48.

² Савиньи Ф. К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 194.

Список литературы

Архипов С. И. Законы социального развития и правовой прогресс // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 50–64. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03.

Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 7–18.

Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998. 624 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Дигесты Юстиниана: избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского. М.: Наука, 1984. 456 с.

Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2003. 784 с.

Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. 309 с.

Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Изд. Н. В. Муравьева, 1881. 412 с.

Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.

Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.

Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. [и с предисл.] прив. доц. Моск. ун-та В. Н. Ивановского. 2-е изд., вновь обработ. М.: Г. А. Леман, 1914. 880 с.

Новгородцев П. Кризис современного правосознания (Введение в философию права). М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1909. 394 с.

Новгородцев П. Об общественном идеале (Введение в философию права). Вып. 1. 3-е изд. Киев: Тип. бр. М. и А. Заваздных, 1919. 343 с.

Покровский И. А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Пг.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 430 с.

Рюккерт И. Предисловие к русскому изданию «Системы современного римского права» Ф. К. Фон Савиньи // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 248–254.

Савиньи Ф. К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 128–207.

Савиньи Ф. К. Система современного римского права // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 247–499.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. 313 с.

Спенсер Г. Л. Соч.: в 7 т. Т. 2: Основания этики. Ч. 4–6. СПб.: Тип. «Издатель», 1899. 266 с.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 1–338.

Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004. 498 p.

References

Arkipov S. I. (2018) Predstavleniya o pravovom progresse I. Kanta i G. V. F. Gegelya [I. Kant's and G. W. F. Hegel's views on legal progress]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 7–18.

Arkipov S. I. (2024) Zakony sotsial'nogo razvitiya i pravovoi progress [Laws of Social Development and Legal Progress]. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, vol. 12, no. 2, pp. 50–64. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03.

Berman G. D. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Western tradition of law: the era of formation], 2nd ed. Moscow, INFRA-M-Norma, 624 p.

Dozhdev D. V. (2003) *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Roman Private Law: textbook for universities], 2nd ed., revised and add. Moscow, Norma, 784 p.

Engel's F. (1961) Anti-Dyuring [Anti-Dühring]. In Marks K., Engel's F. *Sochineniya: in 30 vols.* 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 20, pp. 1–338.

Gegel' G. V. F. (1990) *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.

Iering R. (1875) *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya. Ch. 1* [The spirit of Roman law at various stages of its development. Part 1]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 309 p.

Iering R. (1881) *Tsel' v prave. T. 1* [The goal is in the law]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo N. V. Murav'eva, 412 p.

Kant I. (1965) *Sochineniya: in 6 vols.* [Writings: in 6 vols]. Moscow, Mysl', vol. 4, part 2, 478 p.

Kant I. (1994) K vechnomu miru. Filosofskii proekt [To eternal peace. The philosophical aspect]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vols.*, ed. by A. V. Gulyga. Moscow, Choro, vol. 7, pp. 5–56.

Kollingvud R. Dzh. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of the history. Autobiography]. Moscow, Nauka, 486 p.

Luhmann N. (2004) *Law as a social system*. Oxford, Oxford University Press, 498 p.

Mill' Dzh. St. (1914) *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi: izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [The system of syllogistic and inductive logic: a statement of the principles of proof in connection with the methods of scientific research], transl., ed. by V. N. Ivanovskii, 2nd ed., newly processed. Moscow, G. A. Leman, 880 p.

Novgorodtsev P. (1909) *Krizis sovremennogo pravosoznaniya (Vvedenie v filosofiyu prava)* [The Crisis of modern legal awareness (Introduction to the Philosophy of Law)]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko., 394 p.

Novgorodtsev P. (1919) *Ob obshchestvennom ideale (Vvedenie v filosofiyu prava)* [On the Social Ideal (Introduction to the Philosophy of Law)], is. 1, 3rd ed. Kiev, Tipografiya brat'ev M. i A. Zavazdnykh, 343 p.

Pereterskii I. S. (Ed.) (1984) *Digesty Yustiniana* [Justinian's Digest]. Moscow, Nauka, 456 p.

Pokrovskii I. A. (1917) *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. 3rd ed., revised and add. Petrograd, Izdatel'stvo yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 430 p.

Ryukkert I. (2011) Predislovie k russkomu izdaniyu «Sistemy sovremennogo rimskogo prava» F. K. Fon Savin'i [Preface to the Russian edition of the «System of Modern Roman Law» by F. K. Von Savigny]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols*. Moscow, Statut, vol. 1, pp. 248–254.

Savin'i F. K. (2011) O prizvanii nashego vremeni k zakonodatel'stvu i yurisprudentsii [On the vocation of our time to legislation and jurisprudence]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols*. Moscow, Statut, vol. 1, pp. 128–207.

Savin'i F. K. (2011) *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [The system of modern Roman law]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols*. Moscow, Statut, vol. 1, pp. 247–499.

Semitko A. P. (1996) *Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress* [The development of legal culture as legal progress]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrGYuA, Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, 313 p.

Spenser G. L. (1899) *Sochineniya: in 7 vols. Vol. 2: Osnovaniya etiki. Ch. 4–6* [Writings: in 7 vols. Vol. 2: The foundations of ethics. Parts 4–6]. Saint-Petersburg, Tipografiya «Izdatel'», 266 p.